

На следующее утро, когда Лэн Цзилинь пришел проведать супруга, он обнаружил, что Хуа Юю уже перебрался в павильон Ванси, но в покоях было пусто.

На второй день после свадьбы полагалось явиться во дворец, чтобы предстать перед императором и преподнести чай старшим супругам. Кто бы мог подумать, что с самого утра его ждет пустой дом.

— Если бы ты всегда был таким послушным, было бы куда проще, — пробормотал Лэн Цзилинь и неспешным шагом направился к павильону Ванси. Лишь добравшись туда, он обнаружил, что некто, напрочь забыв о визите к императору, преспокойно завтракает.

Хуа Юю поднял голову, увидел, кто вошел, и, не сказав ни слова, снова уткнулся в свою миску с кашей. Прошло довольно много времени, но гость молчал. Хуа Юю пришлось заговорить первым:

— Может, тоже перекусишь? Все равно здесь столько еды, мне одному не осилить.

— Нет. Доедай, поедем во дворец.

Глядя на Лэн Цзилиня, облаченного в парадное одеяние, Хуа Юю растерянно спросил:

— Разве мы не виделись вчера? Зачем встречаться снова?

— На второй день после свадьбы принято подносить чай старшим. Ты хочешь сказать, что не знал об этом?

— Именно так, не знал... — ответил он и продолжил есть.

Когда Хуа Юю закончил трапезу, оделся и сел в карету, ему ужасно хотелось поехать верхом, но нынешний статус не позволял. Он сидел в экипаже и вздыхал, завидуя князю Е, который, облаченный в официальный мундир, гарцевал на вороном коне. Почему не я женился на князе Е?

Князь Е от природы был красив, а военная выправка лишь добавляла ему величия. Сейчас, в седле, он выглядел особенно властно.

Не успел Хуа Юю опомниться, как карета остановилась у дворцовых ворот. По правилам, военные чины должны были спешиваться, а гражданские — выходить из паланкинов. Исключений не делали ни для кого. Выбравшись наружу, он увидел, как Лэн Цзилинь ловко спрыгнул с коня, и зависть в его сердце лишь усилилась.

— На что ты уставился? Пошли, — Лэн Цзилинь почувствовал неловкость от пристального

взгляда Хуа Ию. У него не было склонности к мужской любви.

— А! — Хуа Ию очнулся и смущенно ответил. С чего это он засмотрелся на мужчину?

— Во дворце, что бы ни услышал — просто слушай. Не злись и не навлекай на себя лишних неприятностей.

— Понял.

Он прекрасно понимал: когда находишься под чужой крышей, приходится склонять голову.

Евнух Юань, завидев приближающихся, громко объявил:

— Князь Е и супруг князя Е прибыли с визитом!

Взгляд, который он бросил на Хуа Ию, был полон презрения.

— Ваш подданный приветствует Его Величество, — произнес Лэн Цзилинь.

— Ваш подданный приветствует Его Величество, — повторил Хуа Ию, опускаясь на колени следом за мужем.

— Вставайте, вставайте, — император смотрел на коленопреклоненную пару. Хотя он был недоволен донесениями о том, что князь Е не ночевал в главных покоях, виду не подал. — Молодожены, отчего так рано?

— Не смеем опаздывать на аудиенцию, — ответил Лэн Цзилинь, про себя подумав, что у императора наверняка повсюду шпионы, раз он знает, что ночью он не заходил в спальню супруга.

— Хорошо, хорошо. Супруг князя Е пусть идет в задние покои поднести чай, а у Меня есть разговор к князю Е.

— Слушаюсь, — отозвался Хуа Ию и последовал за служанкой. С древних времен мужчинам запрещалось входить во внутренние покои, но он, похоже, создавал очередной прецедент.

— Императрица, прибыл супруг князя Е, — доложила служанка. На главном месте восседала императрица, рядом с ней — благородная супруга Ся.

— Ваш подданный приветствует императрицу и благородную супругу Ся.

Прошло немало времени, прежде чем императрица соизволила произнести:

— Вставай.

Ноги Хуа Ию уже онемели. Он не понимал, почему императрица так с ним обходится, ведь он никогда не давал ей повода для неприязни.

Служанка подала ему чашку с чаем. Хуа Ию, преодолевая боль, подошел к императрице и снова опустился на колени:

— Императрица, прошу, отведайте чаю.

Она не спешила принимать чашку. Изначально императрица планировала выдать за князя Е свою племянницу, но все планы разрушил этот мужчина. Она не знала о расчетах императора, но о разладе в их семье судачили все.

Прошло еще много времени, руки Хуа Ию, державшего чашку, начали дрожать. Наконец императрица медленно взяла чай, пригубила и велела служанке унести его.

Когда Хуа Ию поднес вторую чашку, благородная супруга Ся заметила, что чай остыл, и потребовала заменить его на горячий. Служанки, привыкшие к дворцовым интригам, прекрасно поняли намек и принесли обжигающе горячий напиток. Хуа Ию, сгорая от боли, держал чашку, не смея ее выпустить.

Благородная супруга Ся взглянула на него и добавила, что чай слишком горячий, и велела принести другой. На этот раз, не став больше его мучить, она взяла чашку и выпила.

— Вставай, — разрешила императрица.

Но у Хуа Ию ноги уже не чувствовали опоры. При попытке встать он пошатнулся и невольно навалился на благородную супругу Ся. Ее служанки тут же оттолкнули его, а саму ситуацию представили как дерзкое оскорбление. Хуа Ию потащили прочь и приговорили к двадцати ударам палками.

Когда подоспел Лэн Цзилинь, Хуа Ию уже лежал без сознания. Князь нахмурился, подошел и подхватил его на руки.

— Кто посмел его тронуть? — ледяным тоном спросил он.

— Я, — ответила благородная супруга Ся, подходя к нему. — Он оскорбил меня, неужели я не имею права его наказать?

— Ха! Собаку бьют — на хозяина смотрят. Благородная супруга Ся, знайте меру.

Он прекрасно понимал, что у Хуа Ию не хватило бы духу пойти на подобную дерзость. Благородная супруга Ся, уловив в словах князя угрозу, недовольно бросила:

— А у князя Е, я погляжу, немало спеси!

Лэн Цзилинь промолчал. Он крепко прижимал к себе Хуа Ию и быстрым шагом направился к выходу. Уложив супруга в карету, он сам забрался внутрь и, опасаясь, что тряска причинит ему боль, всю дорогу держал его на руках.

Хуа Ию постепенно приходил в себя. С самого детства отец не наказывал его так жестоко, а сейчас боль в ягодицах была такой нестерпимой, что он едва не потерял сознание снова.

Лэн Цзилинь посмотрел на искаженное от боли лицо супруга, и в его сердце шевельнулось нечто похожее на жалость.

— Поделом тебе. Я предупреждал перед выходом, но ты не послушал.

Хуа Ию было не до нотаций, по его лбу градом катился холодный пот.

Добравшись до поместья, Лэн Цзилинь вынес его из кареты и поспешил в главные покои.

— Живо зовите лекаря! Если хоть на миг опоздают — прикажу казнить! — приказал он страже.

— Слушаюсь!

Хуа Ию чувствовал себя глубоко несчастным. Мало того, что ему, мужчине, пришлось выйти замуж за мужчину и стать посмешищем, так еще и на второй день после свадьбы его избили до полусмерти.

— Больно... у-у-у...

Обида и физическая боль взяли свое, и Хуа Ию разрыдался.

Лэн Цзилинь никак не ожидал, что такая пустяковая рана заставит его плакать, и на мгновение растерялся.

— Чего ревешь? Сейчас придет лекарь, наложит мазь, и все пройдет.

— У-у-у... мне больно... я хочу плакать... у-у-у... нельзя, что ли? — услышав слова князя, Хуа Ию зарыдал еще громче.

Вошедший лекарь увидел князя, который с каменным лицом наблюдал за рыдающим на кровати супругом.

— Ваше Высочество, можно ли мне осмотреть рану? — хотя Хуа Ию был мужчиной, сейчас он носил титул супруга князя.

— Смотри, — бесстрастно ответил князь.

Увидев, что в комнату вошли, Хуа Ию, несмотря на всю обиду, поспешно вытер слезы. С него было достаточно позора на сегодня.

<http://bllate.org/book/18640/1795092>